

ВЪ БОЛГАРИИ ОСЕНЬЮ 1899 ГОДА.

(Статья третья)¹⁾.

Изъ военного училища я поѣхалъ въ казармы гвардейскаго эскадрона; это единственная гвардейская часть въ болгарской арміи. Форма одежды напоминаетъ нашу гусарскую съ серебряными шнурами; шапка гусарскаго образца изъ сѣрой мерлушки съ длиннымъ, чернымъ, орлинымъ перомъ.

Конскій уборъ при парадной формѣ очень красивъ и сѣдло покрывается вальтрапомъ съ серебряными галунами. Эскадронъ имѣетъ свой оркестръ очень хорошей музыки. Кони венгерскіе, средняго роста, болшею частью гнѣдые. Въ эскадронѣ имѣется взводъ съ лошадьми мѣстной породы; этотъ взводъ необходимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда князь совершаетъ путешествіе въ горахъ, на примѣръ, въ Рыльскій монастырь, расположенный въ труднодоступной части Рыло-дага; при такихъ путешествіяхъ лошади, выведенныя изъ Венгріи, оказываются непригодными, такъ какъ онѣ не умѣютъ ходить по горамъ, что превосходно дѣлаетъ мѣстная, болгарская лошадь. Мѣстные лошади небольшого роста, но изъ нихъ есть очень видные экземпляры.

Познакомившись съ офицерами, которыхъ мнѣ представилъ командовавшій эскадрономъ майоръ Данаиловъ, я обошелъ жилия помѣщенія нижнихъ чиновъ, конюшни, кухню, склады, цейхгаузы и проч.

При посѣщеніи гвардейскаго эскадрона мнѣ пришлось впер-

вые видѣть казармы болгарскихъ войскъ и ознакомиться съ обстановкой, въ которой живутъ болгарскія войска.

Вся болгарская армія расквартирована въ казармахъ, что очень важно въ воспитательномъ отношеніи, особенно въ виду короткаго срока службы нижнихъ чиновъ подъ знаменами. Казармы имѣются трехъ типовъ: прежнія турецкія, затѣмъ построенныя нами и наконецъ построенныя болгарами.

Прежнія турецкія казармы, болшею частью, состоятъ изъ массивныхъ зданій, въ которыхъ мало свѣта и воздуха, онѣ стары, тѣсны и вообще недостаточно гигиеничны. Казармы, построенныя нами, болшею частью довольно легкія зданія, возведенныя очень экономично, не только безъ всякой роскоши, но иногда и безъ необходимыхъ удобствъ. Что же касается казармъ, построенныхъ болгарами, то онѣ, въ свою очередь, дѣлятся на три разряда: во-первыхъ, казармы, построенныя по заказу военного министерства подряднымъ способомъ, во-вторыхъ, построенныя городами и, наконецъ, казармы, построенныя хозяйственнымъ способомъ, войсковыми комисіями.

Нѣкоторыя изъ казармъ, построенныхъ самими болгарами, отличаются большими размѣрами и излишнею роскошью, какъ, на примѣръ, казармы 8-го пѣхотнаго Приморскаго полка въ Варнѣ, гдѣ имѣется, между прочимъ, обширное отдѣльное зданіе столовой, что совершенно излишне въ Болгаріи, гдѣ почти круглый годъ можно обѣдать на воздухѣ; строить же особую столовую въ видѣ такого зданія, гдѣ свободно могли бы размѣститься двѣ роты, по меньшей мѣрѣ, излишняя роскошь. Рядомъ съ этимъ поражаетъ то обстоятельство, что не нашлось денегъ на постройку такихъ зданій, которыя такъ необходимы для войскъ, а именно — военныхъ церквей и бань. Въ роскошныхъ казармахъ того же Приморскаго полка мнѣ показали четыре деревянныхъ ящика, очень напоминавшихъ гробы, обитые, кажется, цинкомъ, и объяснили, что это и есть баня. Повидимому, при постройкѣ казармъ подряднымъ способомъ много денегъ было израсходовано совершенно несоотвѣтственнымъ образомъ и въ настоящее время этотъ способъ оставленъ.

Другой способъ постройки казармъ въ Болгаріи, это возведеніе ихъ городами, которые строили казармы и предоставляли ихъ въ распоряженіе войскъ, разсчитывая имѣть отъ нихъ доходъ, такъ какъ почти весь бюджетъ войсковыхъ частей тратится въ мѣстѣ стоянки ихъ. Но разсчеты городовъ не вполне оправдались

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1900 г., № 11.

и они не имѣли возможности погасить произведенные расходы по постройкѣ казармъ; въ виду этого города охотно продали свои казармы военному министерству, иногда за полцѣны, какъ это было, напримѣръ, въ Ямболѣ, гдѣ такимъ образомъ приобрѣтены военнымъ вѣдомствомъ казармы для 4-го коннаго полка.

Наконецъ, третій способъ постройки [казармъ—войсковыми комисіями, хозяйственнымъ способомъ; этотъ способъ особенно практикуется теперь, когда возводятся казармы для вновь формируемыхъ резервныхъ частей. Этотъ способъ отличается дешевизной, такъ какъ матеріалы заготавливаются непосредственнымъ распоряженіемъ войскъ и часть работъ исполняютъ нижніе чины. Это послѣднее обстоятельство въ сущности единственный недостатокъ такого способа, ибо отвлечение нижнихъ чиновъ для казарменныхъ работъ понижаетъ боевую подготовку войскъ. Я видѣлъ нѣсколько казармъ, построенныхъ хозяйственнымъ способомъ, а нѣкоторыя изъ нихъ видѣлъ во время самой постройки. Всѣ эти казармы построены скромно, безъ всякой ненужной роскоши и онѣ достаточно просторны.

Особенность всѣхъ болгарскихъ казармъ—это отсутствіе офицерскихъ квартиръ; даже въ софійскомъ училищѣ ихъ нѣтъ и кажется только въ Варнѣ есть нѣсколько квартиръ для холостыхъ младшихъ офицеровъ. Я посѣтилъ одну изъ такихъ квартиръ; она состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ и своей скромной обстановкой вполне соответствовала положенію юнаго воина.

Конюшни при болгарскихъ казармахъ почти всегда очень помѣстительны, иногда излишне широки и высоки, почему онѣ обогрѣлись дороже чѣмъ бы слѣдовало и въ зимнее время конямъ холодно.

Артиллерійскіе и обозные сараи имѣются всюду, но они недостаточно просторны.

Кухни устроены такъ же, какъ у насъ; на стѣнахъ висятъ росписанія варокъ, раскладки и пр. Тотъ же кашеваръ (готвачъ), подастъ вамъ на особый столикъ пробную порцію и, на выраженіе вашего удовольствія по поводу испробованной пищи, онъ также, какъ и у насъ отвѣтитъ вамъ, что онъ «радъ стараться». При казармахъ почти вездѣ есть солдатскія лавочки, съ необходимыми для нижнихъ чиновъ припасами; но кажется, что всѣ такія лавочки отдаются въ аренду частнымъ лицамъ. При солдатскихъ лавочкахъ имѣются и отдѣльныя помѣщенія для унтеръ-офицеровъ; въ этихъ помѣщеніяхъ унтеръ-офицеры проводятъ время свобод-

ное отъ службы; въ нихъ, между прочимъ, разрѣшается продажа пива. Какъ на особенность болгарскихъ казармъ слѣдуетъ указать, что при многихъ изъ нихъ имѣются постоянно устроенные солдатскіе театры; обыкновенно это помѣщенія, въ которыхъ можетъ помѣститься не болѣе 100—300 человекъ, хотя въ пѣхотныхъ полкахъ состоитъ около 1,000 человекъ. Помѣщенія очень скромныя, но все-таки удовлетворяютъ своей цѣли. Обыкновенно занавѣсъ и декораціи работы нижнихъ же чиновъ, они же являются актерами, музыкантами и т. д. Репертуаръ солдатскаго театра не обширный и состоитъ большею частью изъ произведеній отечественныхъ авторовъ; обыкновенно предметомъ пьесы служитъ какое-нибудь патріотическое событіе изъ болгарской исторіи, подвиги болгарскихъ воеводъ, борьба съ турками и т. д.

При большинствѣ казармъ имѣются офицерскія собранія, а въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ въ Софіи, Филипполѣ (Пловдивѣ), Варнѣ, Шумлѣ, Руцукѣ и др. имѣются общія гарнизонныя собранія. Софійское военное собраніе, которое мнѣ лично показывалъ военный министръ, отличается обширными размѣрами и изящнымъ устройствомъ; оно еще не было вполне окончено, также какъ и Варненское собраніе, имѣющее тоже обширное и красивое помѣщеніе. Остальныя собранія размѣщены не такъ роскошно, но вполне прилично и удобно; почти вездѣ кромѣ столовой, читальной и другихъ необходимыхъ помѣщеній, есть залы для танцевъ, гостиныя, уборныя и пр. При двухъ изъ офицерскихъ собраній, въ Шумлѣ и Руцукѣ, имѣются небольшія экономическія общества; изъ нихъ прочіе другіе обставлено экономическое дружество въ Шумлѣ, имѣющее годовую оборотъ въ 100,000 франковъ. При офицерскихъ же собраніяхъ имѣются бібліотеки, гдѣ вы найдете немало русскихъ сочиненій, какъ общаго, такъ и военнаго содержанія; въ казармахъ кромѣ того имѣются и небольшія бібліотеки для нижнихъ чиновъ. Въ офицерскихъ собраніяхъ, а также въ помѣщеніяхъ нижнихъ чиновъ нерѣдко стѣны украшены портретами Царя-Освободителя, какъ называютъ въ Болгаріи Императора Александра II, Императора Александра III и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Феодоровны; кромѣ того довольно много картинъ изъ русско-турецкой войны и портретовъ героев этой войны, Скобелева, Гурко и др. Содержаніе казармъ въ общемъ удовлетворительное, но недостатокъ денежныхъ средствъ замѣтенъ и здѣсь.

Казармы гвардейскаго эскадрона расположены близъ окраины Софіи и въ общемъ хорошо обставлены. Первое впечатлѣніе, которое на васъ производитъ внутренняя обстановка болгарскихъ казармъ, такова, что вамъ кажется, что вы зашли въ русскую казарму: тѣ же ряды кроватей, покрытыхъ малиновыми или сѣрыми одѣялами, тѣ же тюфяки, набитые соломой, тѣ же стойки съ ружьями; на стѣнахъ, какъ и у насъ, разныя таблицы, картины, портреты, росписанія и пр. Въ каждой ротѣ, эскадронѣ и батареѣ имѣется образъ и весьма часто это благословеніе нашихъ инструкторовъ; особыхъ образныхъ покоевъ, какъ это бываетъ у насъ, я не видѣлъ въ болгарскихъ казармахъ, а обыкновенно образа помѣщены въ кіотахъ; они рѣдко роскошны, чаще очень и даже слишкомъ просты. Вообще, насколько я могъ замѣтить, ротныя иконы далеко не имѣютъ у болгаръ того же значенія, какъ у насъ; объясняется это тѣмъ, что болгары вообще не такъ религіозны, какъ русскіе люди.

Осмотрѣвъ казармы и всѣ хозяйственныя учрежденія гвардейскаго эскадрона, мы вышли на дворъ, гдѣ мнѣ были показаны три нижнихъ чина—одинъ въ парадной формѣ, другой въ обыкновенной и третій въ походной. Тутъ же мнѣ показали походную выючную кухню эскадрона, которая перевозится на двухъ лошадяхъ; выюки настолько легкіе, что кухня можетъ слѣдовать за эскадронномъ всюду.

Въ военное время гвардейскій эскадронъ формируетъ 2^{1/2} эскадрона.

Изъ гвардейскаго эскадрона я проѣхалъ въ софійскій арсеналъ; это обширное учрежденіе, въ которомъ имѣются мастерскія всякаго рода, склады снарядовъ и проч. При арсеналѣ состоятъ лабораторная рота и унтеръ-офицерская школа. Назначеніе этой школы двоякое; во-первыхъ, поступающіе въ нее нижніе чины обучаются два года разнаго рода мастерствамъ при арсеналѣ и, во-вторыхъ, подготавливаются къ занятію унтеръ-офицерскихъ должностей въ полкахъ. Курсъ продолжается два года и за обученіе нижніе чины эти обязаны прослужить два же года въ строю унтеръ-офицерами; затѣмъ, уйдя въ запасъ, они могутъ зарабатывать хлѣбъ тѣмъ же ремесломъ, которому обучались, служа въ унтеръ-офицерской школѣ.

Такимъ образомъ унтеръ-офицерская школа есть попытка къ разрѣшенію унтеръ-офицерскаго вопроса помимо полковыхъ учебныхъ командъ; однако, попытка эта, какъ показалъ опытъ, не уда-

лась. Войска не любятъ унтеръ-офицеровъ, выходящихъ изъ этой школы, ибо они оказываются на дѣлѣ больше мастеравыми, чѣмъ унтеръ-офицерами; войска предпочитаютъ получать унтеръ-офицеровъ изъ своихъ полковыхъ учебныхъ командъ.

Послѣ осмотра арсенала начальникъ его, маіоръ Бѣловъ предложилъ мнѣ отдохнуть нѣсколько времени въ его рабочемъ кабинетѣ, гдѣ, между прочимъ, находилась коллекція ружей разныхъ системъ.

Изъ арсенала я проѣхалъ съ состоявшимъ при мнѣ офицеромъ въ Уніонъ-клубъ, чтобы позавтракать. Этотъ клубъ посѣщается главнымъ образомъ иностранцами, живущими въ Софіи; членами его состоятъ всѣ лица дипломатическаго корпуса, а изъ болгаръ бывають сравнительно немногіе; только въ карточной комнатѣ часто можно было видѣть партію, въ которой всегда принималъ участіе Грековъ; изъ числа болгаръ столомъ въ клубѣ пользуются немногіе, а изъ числа военныхъ при мнѣ было только два три человѣка. Столъ въ клубѣ вполне удовлетворительный и въ этомъ отношеніи Уніонъ-клубъ представляетъ большія удобства для холостыхъ молодыхъ дипломатовъ, такъ какъ въ Софіи трудно имѣть въ другомъ мѣстѣ и хорошій столъ и тѣ удобства, которыя даетъ этотъ клубъ.

Послѣ завтрака въ клубѣ я проѣхалъ въ казармы піонерной дружины и на этомъ окончилъ осмотры того дня.

На другой день, 17-го августа, я осмотрѣлъ три пѣхотныхъ полка: Софійскій, Македонскій и Тырновскій, 4-й артилерійскій и 1-й конный полки, а также Софійскій крѣпостной баталіонъ. Всюду мы обходили жилыя и нежилыя помѣщенія и подробно знакомились съ обстановкой частей. Пѣхота расположена въ казармахъ на окраинѣ города, ближайшей въ горѣ Витошъ, которая величественно господствуетъ надъ Софіей и всей софійской котловиной; части эти въ общемъ расположены очень хорошо, но нѣсколько тѣсно. Казармы 4-го артилерійскаго полка и крѣпостнаго баталіона находятся на противоположной окраинѣ города и также очень хороши. При посѣщеніи казармъ 4-го артилерійскаго полка, шефомъ котораго состоитъ князь, я замѣтилъ, что во всѣхъ помѣщеніяхъ нижнихъ чиновъ имѣются портреты нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

Во всѣхъ осмотрѣнныхъ мною частяхъ я былъ встрѣчаемъ начальниками частей, которые представляли мнѣ офицеровъ, а затѣмъ уже начинался обходъ казармъ, при осмотрѣ которыхъ на-

чальники и офицеры были не только официально въжливъ съ представителемъ русской арміи, но и крайне предупредительны. Вообще я еще разъ долженъ сказать, что сношенія съ офицерами болгарской арміи оставили во мнѣ наилучшія воспоминанія.

18-го августа я выѣхалъ изъ Софіи съ цѣлью посѣщенія Сливницкой позиціи, гдѣ болгаре побѣдоносно отразили атаки сербовъ въ началѣ ноября 1885 года. Я выѣхалъ съ поѣздомъ, выходящимъ изъ Софіи въ 7 ч. 20 м. утра, и черезъ часъ мы прибыли на станцію «Сливница», гдѣ меня встрѣтилъ капитанъ Венедиктовъ съ верховыми лошадьми. Сѣвъ на коней, мы отправились на правый флангъ позиціи, на гору Лешта, а оттуда проѣхали вдоль всего фронта позиціи до дер. Златуша, гдѣ насъ ожидалъ экипажъ для дальнѣйшаго путешествія. Обѣздъ позиціи продолжался цѣлый день и представлялъ большой интересъ по тѣмъ боевымъ воспоминаніямъ, съ которыми связано посѣщеніе подобныхъ мѣстъ.

Въ центрѣ позиціи мы посѣтили памятникъ Преславльскаго полка, возвышающійся на небольшомъ холмѣ надъ братской могилой офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Но кромѣ военно-историческаго интереса, посѣщеніе Сливницы было любопытно и по пейзажу самой позиціи и окружающей мѣстности; здѣсь мѣстами вы встрѣтите дикія, скалистыя высоты, совершенно лишены растительности, мѣстами — уютныя долины, по дну которыхъ бѣгутъ быстрыя рѣчки, по берегамъ которыхъ ютятся живописныя деревни, какъ напримѣръ Братушкино. На лѣвомъ флангѣ мѣстность очень пересѣченная; горы въ дикомъ безпорядкѣ громоздятся одна на другую, образуя цѣлый лабиринтъ высотъ, овраговъ, ущелій... Самое названіе этой мѣстности поэтически-мрачное: это «Воеводина могила».

Продолжительное движеніе на чистомъ воздухѣ вызвало добрый аппетитъ и въ роцѣ, недалеко отъ д. Братушкино, мы позавтракали, причемъ среди разныхъ припасовъ, радушно предложенныхъ мнѣ сопровождавшими меня офицерами, между прочимъ была и консервированная осетрина изъ Одессы, а также прекрасное бѣлое вино мѣстнаго приготовленія; въ сосѣдней деревнѣ мы захватили нѣсколько арбузовъ, но, увы, они оказались совершенно незрѣлыми.

Только къ солнечному закату прибыли мы въ д. Златушу, гдѣ сошли съ коней, простились съ нашимъ любезнымъ спутникомъ капитаномъ Венедиктовымъ и, сѣвъ въ экипажъ, поѣхали въ городокъ Брезникъ, гдѣ предполагался ночлегъ. Солнце стало садиться,

скоро начало темнѣть и мириады яркихъ звѣздъ постепенно выступили на темномъ южномъ небѣ. Мы ѣхали по весьма хорошему шоссе, какъ и большинство шоссе въ Болгаріи и, несмотря на почвой мракъ, подвигались довольно быстро; въ одномъ мѣстѣ мы остановились и возница нашъ напоилъ лошадей водой изъ журчавшаго фонтана — памятника турецкаго времени. Чѣмъ бы ни были помянуты турки въ Болгаріи, ихъ всегда съ благодарностью вспомнить путникъ за тѣ многочисленныя фонтаны, которые они устроили по дорогамъ. Около 10 час. вечера мы прибыли въ небольшой городокъ Брезникъ и остановились въ гостиницѣ (гостилница), гдѣ нашлись двѣ совершенно чистыхъ комнаты для моего спутника и для меня. Но въ комнатахъ было душно и хозяинъ гостиницы предложилъ намъ отужинать въ садикѣ, гдѣ была бесѣдка, столики и пр. Вскорѣ въ бесѣдку прибылъ и представился мнѣ мѣстный городской голова (кметъ) Георгій Калевъ; затѣмъ пришелъ мѣстный околийскій начальникъ, т. е. исправникъ, и командиръ резервнаго полка, который только еще формировался. Намъ подали къ ужину жареную курицу и прекрасное пиво; винограда въ Брезникѣ, несмотря на виноградный сезонъ, не было; мнѣ объяснили, что въ Брезникѣ, вслѣдствіе высокаго его положенія въ горахъ, виноградъ не вызрѣваетъ, а изъ другихъ мѣстъ его не привозятъ, такъ какъ болгаре не любятъ винограда; и дѣйствительно я замѣтилъ, что болгаре рѣдко ѣли виноградъ, хотя всегда онъ украшалъ столъ въ тѣхъ домахъ и офицерскихъ собранияхъ, гдѣ мнѣ предлагали трапезу.

Послѣ добраго сна, на другой день, рано утромъ, мы тронулись въ дальнѣйшій путь; несмотря на ранній часъ, въ гостиницу прибылъ командиръ резервнаго полка, кметъ, околийскій начальникъ, священникъ и нѣкоторые другія лица; добрый кметъ поднесъ намъ на дорогу арбузъ; по желанію собравшихся мы прошли пѣшкомъ по главной улицѣ города и у околицы его простились съ жителями города Брезника; здѣсь сѣли мы въ коляску и по очень хорошему шоссе покатали далѣе на Трынъ.

Дорога на Трынъ идетъ все время вдоль живописнаго ущелья; за нѣсколько верстъ до Трына шоссе лѣзится по карнизу горы и отдѣлено отъ пропасти каменнымъ барьеромъ; самый городокъ очень живописно пріютился въ глубокомъ ущельи; мы зашли въ церковь, небольшую, бѣдную, какъ большинство болгарскихъ церквей, прошли мимо рынка, гдѣ продавались товары непрехотливаго мѣстнаго обихода; перейдя черезъ ручей, мы вошли въ садикъ при

мѣстномъ ресторанѣ, въ которомъ кромѣ пива и арбуза мы ничего получить не могли; впрочемъ намъ пытались подать яйца, сваренныя въ крутую, но я никакъ не могъ добиться, чтобы ихъ не чистили до подачи на столъ, такъ какъ на бѣлой поверхности яицъ слишкомъ ясно были видны слѣды не совсѣмъ чисто вымытыхъ рукъ. Когда я вышелъ изъ ресторана, то на улицѣ встрѣтилъ меня капитанъ пограничной роты, въ мундирѣ, онъ представился мнѣ и сообщилъ, что онъ охраняетъ своей ротой весьма значительный участокъ границы; часть людей ходитъ вдоль границы дозоромъ, а самъ капитанъ имѣетъ свою штабъ-квартиру въ Трынѣ. Въ составъ болгарской арміи входятъ нѣсколько пограничныхъ дружинъ, каждая изъ нѣсколькихъ ротъ; всѣ онѣ расположены вдоль границъ для охраны.

Изъ Трына мы проѣхали мимо Врабча, также по мѣстности очень живописной, на станцію Царибродъ, находящуюся почти у самой сербской границы на желѣзнодорожной линіи изъ Софіи въ Бѣлградъ. Отсюда мы вернулись въ Софію по желѣзной дорогѣ, причемъ сначала прошли дикое, скалистое, Драгоманское ущелье, а затѣмъ пересѣкли Сливницкую позицію; вечеромъ уже были въ Софіи.

21-го августа я былъ приглашенъ присутствовать на стрѣльбѣ крѣпостной артилеріи на одномъ изъ фортовъ западнаго фронта софійскаго укрѣпленнаго лагеря. Въ этотъ день, въ 9 час. утра, за мной заѣхалъ военный министръ полковникъ Паприковъ и мы отправились съ нимъ въ коляскѣ къ мѣсту стрѣльбы.

Стрѣльба производилась у форта Вербница (Врбница); здѣсь военного министра ожидали начальникъ главнаго штаба, инспекторъ артилеріи, начальникъ административнаго отдѣла военного министерства и другія лица; стрѣльба производилась подъ руководствомъ командира софійскаго крѣпостнаго баталіона подполковника Загорскаго. Сначала стрѣляли по подвижной мишени два скорострѣльных орудія и шесть восьмифунтовыхъ; затѣмъ два 15-ти-сантиметровыхъ орудія стрѣляли на дистанцію 2,300 метровъ по неподвижнымъ мишенямъ и, наконецъ, на ту же дистанцію стрѣляли четыре полевыхъ мортиры по закрытой цѣли.

По окончаніи стрѣльбы послѣдовалъ весьма подробный и внимательный разборъ, а затѣмъ состоялся завтракъ въ полѣ.

Стрѣльба крѣпостной артилеріи производила отличное впечатлѣніе; спокойствіе и порядокъ царствовали въ теченіе всей стрѣльбы, результаты которой, какъ я слышалъ, были тоже очень хороши.

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ Софіи состоялся концертъ въ такъ называемой «Славянской бесѣдѣ»; это довольно большое зало, въ которомъ устроена сцена. Въ концертѣ приняли участіе только что вернувшійся изъ Россіи теноръ Стоянъ Михайловъ и другіе пѣвцы и пѣвицы; програма состояла главнымъ образомъ изъ произведеній русской музыки; между прочимъ, исполнены были русскія и болгарскія пѣсни, которыя были встрѣчены публикой съ особеннымъ сочувствіемъ.

Въ той же залѣ «Славянской бесѣды» я былъ на двухъ спектакляхъ—«Василиса Мелентьева» и «Свадьба Кречинскаго». Обѣ пьесы были сыграны на болгарскомъ языкѣ, причемъ въ нихъ участвовало нѣсколько артистовъ, только-что вернувшихся изъ Россіи, гдѣ они получили артистическое образованіе.

Роль Юанна Грознаго была исполнена весьма не дурно, но гримъ былъ совершенно несоотвѣтствующій; обстановка въ «Василисѣ Мелентьевой» оставляла желать многого, хотя въ общемъ можно было съ ней примириться, особенно въ виду того, что для этой пьесы необходимы совершенно особые костюмы и декорации, что, конечно, трудно сдѣлать въ Болгаріи. Кстати сказать, во время моего пребыванія въ Болгаріи былъ полученъ изъ дирекціи Императорскихъ театровъ весьма цѣнный даръ, присланный по Высочайшему повелѣнію—это была цѣлая коллекція театральныхъ костюмовъ.

Театръ въ Болгаріи, какъ кажется, дѣло новое и говорятъ, что театральное искусство не особенно во вкусѣ народа; насколько я могу судить, едва ли это такъ: судя по напряженному вниманію, съ которымъ зрители слѣдили за ходомъ представленія, судя по игрѣ отдѣльныхъ артистовъ и по ансамблю, я думаю, что театральное искусство привьется и разовьется въ Болгаріи. И простой народъ любитъ театръ; по крайней мѣрѣ я видѣлъ съ какимъ интересомъ относились къ театру нижніе чины нѣкоторыхъ полковъ, въ которыхъ имѣются устроенныя сцены.

Наконецъ, и среди офицеровъ также есть стремленіе къ театральному искусству и къ музыкѣ.

Такъ, зимою этого года въ Филиппопольскомъ военномъ собраніи былъ любительскій спектакль, а въ Сливненскомъ—концерты.

Въ воскресенье, 22-го августа, въ 6^{1/2} час. утра, мы выѣхали въ экипажѣ въ Самаковъ; тамъ предполагалось осмотрѣть одно отдѣленіе горнаго артилерійскаго полка. Въ Болгаріи имѣется

одинъ полкъ горной артилеріи, состоящей изъ трехъ отдѣленій, каждое отдѣленіе изъ трехъ батарей; батареи шестирудійнаго состава; орудія стальные, калибръ 7,5 сант. Лошади всѣ мѣстной породы, небольшія, крѣпкія, очень способныя ходить по горамъ.

Перевѣздъ изъ Софіи въ Самаковъ длиною около 50-ти верстъ; на десятой верстѣ отъ города мы пересѣкли Большой Искеръ и вскорѣ свернули съ цареградскаго шоссе вправо и у дер. Горній Лозенъ начали подниматься черезъ довольно высокій горный хребетъ, спустившись съ котораго, мы опять выѣхали въ долину Большого Искера и далѣе поѣхали по долинѣ этой рѣки вплоть до самаго Самакова; у дер. Дольній Пасарель мы сдѣлали привалъ и здѣсь насъ догнали полковникъ Балабановъ, инспекторъ артилеріи и командиръ горно-артилерійскаго полка подполковникъ Тантиловъ, съ которыми мы и продолжали путь далѣе. Проѣхавъ деревню Калково, мы выѣхали въ Самаковскую котловину; мѣстность стала совершенно ровной съ постепеннымъ ровнымъ скатомъ къ сѣверу. Въ Самаковской котловинѣ Большой Искеръ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, по которымъ быстро бѣгутъ свѣтлыя и холодныя воды этой рѣки. Остатки заводовъ, выработывавшихъ желѣзную руду, видны во многихъ мѣстахъ; но теперь эта промышленность совершенно упала, не имѣя возможности соперничать съ иностраннымъ металломъ. Всю дорогу отъ Софіи до Самакова мы вспоминали походъ по этому же направленію колонны генерала Вельяминова; направленіе, по которому мы ѣхали, было то же, но условія были совершенно другія. Тогда была суровая зима, это было въ концѣ декабря 1877 г.; вмѣсто хорошаго шоссе была обледенѣлая горная дорога; мы ѣхали въ хорошей коляскѣ, запряженной четверкой недурныхъ лошадей, а тогда пришлось идти по этой дорогѣ пѣшкомъ и на своихъ плечахъ тащить артилерію, чего не въ состояніи были сдѣлать обезсиленные лошади.

Около 2-хъ часовъ дня мы прибыли въ Самаковъ и остановились въ гостиницѣ, чтобы переодѣться къ обѣду, на который насъ пригласилъ начальникъ отдѣленія подполковникъ Карахордіевъ отъ имени офицеровъ этого отдѣленія.

Обѣдъ былъ сервированъ въ офицерскомъ собраніи, скромномъ, небольшомъ помѣщеніи, вполне достаточномъ для небольшого числа офицеровъ Самаковскаго гарнизона, состоящаго всего изъ трехъ батарей горной артилеріи.

Во время обѣда намъ, между прочимъ, подавали прекрасную

порціонную форель, изъ Искера, чистыя и холодныя воды котораго стремительно несутся нѣсколькими протоками черезъ городъ. Обѣдъ прошелъ въ оживленной дружеской бесѣдѣ; мы весело и непринужденно утоляли аппетитъ, между тѣмъ какъ молодой хозяинъ столовой, подпоручикъ Тодоровъ, озабоченно хлопоталъ, стараясь, чтобы все шло какъ слѣдуетъ.

Послѣ обѣда мы отправились съ полковникомъ Тантиловымъ верхомъ за городъ, къ казармамъ, гдѣ уже была выстроена одна батарея подъ начальствомъ капитана Манушева; капитанъ, командовавъ батареею, подѣхалъ ко мнѣ съ рапортомъ, послѣ чего я поздоровался съ людьми и затѣмъ мы двинулись походнымъ порядкомъ къ горѣ царя Ивана Шишмана. У подножія этой горы батарея остановилась, орудія были навьючены на лошадей и затѣмъ начался подъемъ на гору.

Гора Шишмана возвышается южнѣе Самакова и по преданію на ней находится могила царя Шишмана; подъемъ на эту гору по крутизнѣ ея скатовъ довольно затруднителенъ и тутъ-то и можно было оцѣнить качества болгарской лошади, которая вѣрнымъ и твердымъ шагомъ поднималась на кручи, спускалась съ нихъ, осторожно переходя съ одного камня на другой; лошадь идетъ такъ хорошо, что нѣтъ надобности ею управлять, она уже сама дѣлаетъ свое дѣло.

Сначала дорога шла [среди густаго, невысокаго лиственнаго лѣса и кустарника, а затѣмъ мы въѣхали въ чащу сосняка, которымъ покрыта вершина горы; здѣсь мнѣ показали то, что по преданію считается могилой царя Ивана Шишмана—это было нѣсколько камней, какъ бы разбитыя огромныя плиты; никакихъ надписей на нихъ не сохранилось.

Когда мы поднялись на гору, то орудія были сняты съ коней и батарея произвела небольшой маневръ, въ предположеніи, что непріятель наступаетъ изъ Македоніи. Съ позиціи, занятой батареею, открывался великолѣпный видъ: прямо передъ нами, глубоко внизу, зіяли ущелья, по дну которыхъ струились воды Чернаго и Бѣлаго Искеровъ; лѣвѣе, т. е. восточнѣе, высилась громада горы Муссалы, на вершинѣ которой кое-гдѣ бѣлѣлъ снѣгъ; еще лѣвѣе зеленѣли лѣсистыя высоты, на которыхъ расположены Чамкурій, недавно возникшее дачное мѣсто для софійцевъ въ горахъ, среди густыхъ хвойныхъ лѣсовъ и съ потоками чудной воды, чистой какъ слеза, и быстро несущейся съ горъ въ долины.

Солнце было близко къ закату и нужно было спѣшить внизъ.

такъ какъ здѣсь послѣ солнечнаго захода мракъ наступаетъ очень быстро и спускъ съ горъ въ темноту былъ бы очень неудобенъ. И такъ, несмотря на желаніе любоваться чуднымъ видомъ, пришлось начать спускъ въ долину. Я поблагодарилъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ батареи за ученіе, орудія вновь были навьючены на лошадей и мы начали спускаться по той же крутой и частью каменной дорожкѣ; темнота стала быстро усиливаться и когда мы спустились, было уже половина девятого и стало совершенно темно. Простившись съ батареей, мы поѣхали съ командиромъ полка и нѣсколькими офицерами верхомъ къ тому мѣсту, гдѣ насъ ожидалъ экипажъ.

Мы переѣхали въ бродъ Большой Искеръ по руслу, заваленному массой крупныхъ, круглыхъ камней; воды было такъ много, что мы промочили ноги при этой переправѣ.

Вскорѣ мы нашли нашъ экипажъ, простились съ провожавшими насъ офицерами и поѣхали въ Чамкурію, куда прибыли около 10-ти часовъ вечера. Здѣсь я встрѣтилъ полковника Балабанова и юриста Поменова, бывшего министра юстиціи; съ этими лицами мы направились въ небольшой, но очень уютный ресторанъ, гдѣ намъ подали, между прочимъ, превосходную форель. Послѣ ужина и оживленной бесѣды, мы отправились въ гостиницу, бывшую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ресторана, на покой; но, увы, этого покоя не было и хотя гостиница эта по наружному виду была гораздо лучше той, въ которой я почевалъ въ Брезникѣ, но спокойнаго сна не могло быть, ибо всю ночь пришлось бороться съ массой звѣрей, которые вели яростную атаку на меня. Вставать надо было въ 6 часовъ, такъ какъ въ этотъ день мы предполагали отправиться верхомъ, по горамъ, въ Рыльскій монастырь. Однако, предположеніе это такъ и осталось предположеніемъ. Во-первыхъ, по недоразумѣнію, исчезъ мой чемоданъ и я остался въ одномъ кителѣ и непромокаемой накидкѣ, что было недостаточно для двухдневнаго путешествія въ Рыльскій монастырь и для возвращенія затѣмъ въ Софію, откуда до монастыря было около полутора верстъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ свой чемоданъ въ гостиницѣ въ Самаковѣ и мнѣ было доложено, что онъ уложенъ въ коляску, въ которой мы должны были ѣхать въ Чамкурію, но на дѣлѣ вышло такъ, что въ коляскѣ его не было. Вторая причина—сама природа, которая, повидимому, не хотѣла, чтобы я поднялся на Рыльскую гору. Прекрасная погода, бывшая накануне, въ ночь смѣнилась дождемъ, холодомъ и густымъ туманомъ;

холодъ напоминалъ петербургскій сентябрь, а пожалуй, и октябрь; густой туманъ заволакивалъ всю мѣстность; только по временамъ онъ рѣдѣлъ и тогда можно было видѣть на короткое разстояніе; наконецъ, шелъ мелкій, чисто осенній, дождь.

Такъ было въ Чамкуріи, а наверху, въ горахъ, должно было быть еще хуже, какъ говорили проводники и мѣстные жители. Такимъ образомъ, пришлось отказаться отъ посѣщенія Рыльского монастыря, этой древней обители знаменитой своими памятниками священной старины, и живописностью расположенія среди дикихъ, грандіозныхъ отроговъ Рыло-дага. Послѣ чая, предложеннаго мнѣ полковникомъ Тантиловымъ, на его дачѣ, мы выѣхали обратно въ Самаковъ, въ коляскѣ, въ которую меня любезно пригласилъ г. Константиносъ, одинъ изъ дачниковъ Чамкуріи, который ѣхалъ въ Самаковъ по своимъ дѣламъ. По мѣрѣ того, какъ мы спускались съ горъ, погода стала проясняться и когда мы пріѣхали въ Самаковъ, было уже совершенно ясно и довольно тепло. Въ Самаковѣ мы возобновили поиски моего чемодана и, къ крайнему моему удовольствію, онъ нашелся въ офицерскомъ собраніи, гдѣ мы накануне обѣдали и куда онъ попалъ по совершенно непонятнымъ причинамъ. Получивъ свои вещи, я рѣшилъ попытаться попасть въ Рыльскій монастырь, объѣхавъ гору съ западной стороны, черезъ Дубницу. Была еще надежда, что мы найдемъ въ этомъ городкѣ ту коляску, которая должна была везти насъ въ монастырь, а изъ Самакова можно было достать лошадей только до Дубницы. Рѣшивъ поступить такъ, мы выѣхали изъ Самакова въ Дубницу по очень хорошему шоссе, проложенному вдоль сѣверной подошвы Рыло-дага. Однако, пріѣхавъ въ Дубницу, мы узнали, что экипажъ нашъ уже уѣхалъ въ Рыльскій монастырь, какъ рѣшено было раньше, когда мы надѣялись попасть въ монастырь верхомъ изъ Чамкуріи и въ этомъ экипажѣ вернуться въ Софію; тотъ экипажъ, который насъ привезъ, долженъ былъ вернуться въ Самаковъ; уже близокъ былъ вечеръ, тотчасъ ѣхать въ монастырь было невозможно и такимъ образомъ нужно было потратить еще двое сутокъ сверхъ расчета, чтобы посѣтить монастырь; я рѣшилъ вернуться въ Софію, не ночуя въ Дубницѣ, такъ какъ гостиница, въ которой мы остановились, совершенно не годилась для ночлега.

Вечеромъ, незадолго до солнечнаго заката, мы выѣхали изъ Дубницы по дорогѣ на Радомиръ. Заходящее солнце ярко освѣщало алыми лучами грандіозную громаду Рыло-дага, а фіолето-

вья тѣни ложились въ ущельяхъ и разсѣлинахъ горъ. Скоро начало темнѣть и день быстро смѣнился темной, южной ночью. Темносинее небо украсилось мириадами ярко-сіявшихъ звѣздъ; ночь была тихая и теплая и мы проѣхали ее почти безъ остановки; попытка остановиться на постояломъ дворѣ въ Радомирѣ не удалась, ибо меня атаковала такая масса лютыхъ звѣрей, что я рѣшился ѣхать далѣе, не останавливаясь.

24-го августа, въ 6 часовъ утра, при восходѣ солнца, мы вернулись въ Софію.

На другой день, 25-го августа, я осматривалъ софійскую военно-голубиную станцію, гдѣ объясненія мнѣ давалъ съ симпатичной любезностью и предупредительностью завѣдывающій этой станціей поручикъ Ионковъ. Въ этотъ же день я осматривалъ Александровскую больницу и учрежденія «Краснаго Креста».

Александровскую больницу мнѣ показывалъ старшій врачъ ея докторъ Стамбольскій; это очень хорошо обставленное лечебное заведеніе, нуждающееся лишь въ нѣкоторыхъ усовершенствованіяхъ, чтобы вполне быть на высотѣ своего назначенія. Хорошо также было бы выписать изъ Россіи сестеръ милосердія для установленія болѣе тщательнаго ухода за больными.

Въ больницу я встрѣтилъ нѣсколькихъ врачей, кончившихъ курсъ въ Россіи и не забывшихъ русскаго языка; затѣмъ были врачи, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Западной Европы; однимъ словомъ, это были вполне интеллигентные болгаре, общеніе съ которыми, кстати сказать, всегда оставяло во мнѣ самое пріятное воспоминаніе.

Изъ Александровской больницы мы проѣхали въ помѣщеніе «Краснаго Креста»; здѣсь насъ встрѣтилъ предѣдатель болгарскаго общества этого креста г. Гешевъ, бывший министръ финансовъ и любезно показалъ намъ все помѣщеніе, склады и обозъ. По окончаніи осмотра г. Гешевъ предложилъ мнѣ взять на память уставъ и отчетъ общества.

26-го августа я выѣхалъ изъ Софіи, предполагая посѣтить Врацу и Плевну и оттуда направиться по шоссе черезъ Горный Дубнякъ, Телишъ, Правецъ и Арабъ-Конакъ обратно въ Софію, т. е. проѣхать по тому пути, по которому пришлось наступать почти ровно за 22 года до того—осенью 1877 г.

26-го августа я выѣхалъ съ утреннимъ поѣздомъ изъ Софіи, направляясь на Врацу и Плевну. Пройдя нѣкоторое разстояніе по софійской равнинѣ, поѣздъ входитъ въ живописное, мѣстами

дикое и грозное ущелье Большого Искера. Мы лѣзли то по одному, то по другому берегу пѣнящагося Искера, съ шумомъ несущаго свои мутныя воды съ юга на сѣверъ. Мы то поднимались, то опускались, прошли 22 тунеля, общая длина которыхъ почти четыре километра, и, наконецъ, достигли станціи Мездра, отъ которой до Врацы нужно было проѣхать 16 верстъ по шоссе. На станціи мы взяли коляску, запряженную тройкой, и быстро помчались по очень хорошему шоссе до Врацы. Здѣсь во время войны стояла наша гвардейская конница; 28-го октября Враца была освобождена отъ турецкаго ига кошко-гренадерами и уланами Его Величества и память объ этомъ событіи торжественно празднуется жителями ежегодно. По близости Врацы, въ мрачномъ Новачинскомъ ущельи, разыгралось 10-го ноября 1877 года кровавое дѣло гвардейскихъ драгунъ съ черкесами, а въ 1829 году этотъ городъ занималъ отрядъ генераль-адъютанта Гейсмара и оттуда двинулся на Софію—однимъ словомъ, съ Врацой связано много воспоминаній о боевыхъ дѣйствіяхъ нашей арміи.

Когда я въѣхалъ въ городъ, то по пути въ гостиницу, гдѣ я рѣшилъ остановиться, я встрѣтилъ полковника, шедшаго намъ на встрѣчу. «Это начальникъ Бдинской дивизіи полковникъ Мариновъ», сказалъ мнѣ сопровождавшій меня офицеръ. Я велѣлъ кучеру остановить экипажъ и, подойдя къ полковнику Маринову, познакомился съ нимъ. Тутъ же мы условились, что я заѣду къ начальнику дивизіи приблизительно черезъ полчаса и тогда мы сговоримся относительно осмотра частей войскъ врачанскаго гарнизона. Мы остановились въ «Торговской гостиницѣ» и черезъ полчаса я поѣхалъ съ визитомъ къ полковнику Маринову, съ которымъ я условился, что послѣ визитовъ, которые я сдѣлаю начальникамъ частей, мы вмѣстѣ съ нимъ отправимся въ казармы для осмотра войскъ. Послѣ Маринова я навѣстилъ бригаднаго командира, командировъ пѣхотнаго и артилерійскаго полковъ и начальника штаба дивизіи. Изъ этихъ лицъ я засталъ дома только командира 2-го артилерійскаго полка подполковника Шишкова, который принялъ меня съ любезностью и радушіемъ, обычнымъ огромному большинству болгарскихъ офицеровъ; онъ познакомилъ меня съ женой и дѣтьми и, замѣтивъ, что мнѣ крайне трудно объясняться съ моимъ кучеромъ—туркой, приказалъ своему денщику сѣсть на козлы и указывать дома тѣхъ лицъ, къ которымъ я хотѣлъ заѣхать.

Около трехъ часовъ дня ко мнѣ зашелъ старшій адъютантъ

штаба дивизіи генеральнаго штаба капитанъ Морфовъ и предложилъ мнѣ отправиться въ казармы. Капитанъ Морфовъ окончилъ специально-военное образованіе въ Бельгіи, но, несмотря на это, онъ очень хорошо говорилъ по-русски и оказался чрезвычайно интереснымъ и любезнымъ собесѣдникомъ и спутникомъ моимъ при осмотрѣ частей войскъ и учрежденій военнаго вѣдомства во Врацѣ. Сначала мы осмотрѣли казармы 2-го артиллерійскаго полка, которыя мнѣ съ большою предупредительностью показывалъ подполковникъ Захаревъ, такъ какъ командиръ полка подполковникъ Шишковъ находился въ засѣданіи суда; онъ выразилъ мнѣ большое сожалѣніе, что едва ли онъ успеетъ въ казармы къ тремъ часамъ дня и просилъ отложить осмотръ его полка, но послѣднее было совершенно невозможно, такъ какъ на другой день я долженъ былъ выѣхать въ Плевну. Послѣ 2-го артиллерійскаго полка мы посѣтили казармы Ловчинскаго пѣхотнаго полка и дивизионныя склады. Затѣмъ вмѣстѣ съ капитаномъ Морфовымъ я сдѣлалъ визитъ преосвященному Константину, митрополиту врачанскому; преосвященный былъ въ саду, когда мы прибыли къ занимаемому имъ дому, онъ привѣтливо встрѣтилъ меня и радушно предложилъ зайти въ домъ, гдѣ намъ поднесли по восточному обычаю воду съ вареньемъ, а затѣмъ кофе. Преосвященный Константинъ, несмотря на многія огорченія, которыя онъ перенесъ въ турецкое время, имѣетъ бодрый видъ. Онъ много работаетъ, но, говорятъ, не любитъ говорить о своихъ трудахъ, онъ тепло вспоминалъ о великой помощи, оказанной Россіей Болгаріи и о жертвахъ, принесенныхъ русскимъ народомъ, для освобожденія братскаго ему болгарскаго народа. Онъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что католическая и протестантская пропаганда не имѣютъ особеннаго успѣха въ Болгаріи и народъ остается вѣренъ православію, хотя далеко не такъ религіозенъ, какъ русскій народъ. Бесѣда съ митрополитомъ Константиномъ оставила во мнѣ чрезвычайно пріятное воспоминаніе; да и вообще, кстати сказать, такое же пріятное, сердечное впечатлѣніе произвели на меня всѣ болгарскія духовныя лица, съ которыми я встрѣчался во время поѣздки по княжеству. Подъ вечеръ мы сдѣлали съ капитаномъ Морфовымъ прогулку по врачанскому ущелью, у выхода изъ котораго лежитъ Враца; это мрачное, дикое ущелье обрамлено съ обоихъ боковъ почти отвѣсными, голыми скалами. Къ солнечному закату мы вернулись въ гостиницу, осмотрѣвъ попутно весь городъ. Небольшой, довольно чистенькій городокъ узкой лентой пріютился у подножья скалистыхъ голыхъ вы-

сотъ горнаго хребта. Нѣкоторыя улицы уже выпрямлены и расширены и на нихъ есть дома новѣйшей архитектуры; но большая часть построекъ осталась отъ турецкихъ временъ; турецкій же характеръ сохранила и большая часть врачанскихъ улицъ — онѣ узкія, кривыя и не особенно опрятныя.

На небольшой площади стоитъ памятникъ балканскому герою Христо Ботеву; онъ былъ начальникомъ одной изъ возставшихъ шаекъ болгаръ и сражался съ турками еще до освободительной войны. Особенность этого памятника та, что вокругъ него стоятъ четыре металлическихъ кола, на которые воткнуты отрѣзанные головы, также металлическія, — очевидно, что такое украшеніе должно живо напоминать народу турецкія времена. На другой площади разбитъ небольшой, чистенькій скверъ и при немъ имѣется ресторанъ. Въ городѣ проведена вода изъ ключей, обильно текущихъ во Врачанскомъ ущельи. Это сооруженіе было освящено незадолго до моего приѣзда въ Врацу и обошлось городу въ 200,000 франковъ. Въ городѣ нѣсколько церквей и въ одной изъ нихъ, въ церкви Воскресенія, почиваютъ вѣчнымъ сномъ офицеры гвардейскаго драгунскаго полка, навшіе въ дѣлѣ подъ Новачиномъ 10-го ноября 1877 года. Когда вы войдете въ эту церковь, то нѣсколько влѣво отъ входа, вы увидите черную чугунную плиту; черный чугунный крестъ съ золотыми херувимами осѣняетъ ее; надпись на ней говоритъ вамъ, что здѣсь покоятся тѣла прапорщиковъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка Данилевскаго и Велинскаго. Тѣло прапорщика Назимова также было похоронено въ этой церкви, но впоследствии перевезено въ Россію родственниками, которые въ поминаніе покойнаго пожертвовали икону Казанской Божьей Матери; она помѣщена въ этой же церкви надъ царскими воротами.

Утромъ 27-го августа меня навѣститъ митрополитъ Константинъ и вслѣдъ за тѣмъ, простившись съ любезнымъ капитаномъ Морфовымъ, я уѣхалъ въ Мездру, гдѣ сѣлъ на поѣздъ, который помчалъ меня на сѣверъ, къ Плевнѣ. Мѣстность была уже не столь гористой, какъ на переѣздѣ отъ Софіи до Мездры. Миновавъ долину рѣки Панеги, мы два раза пересѣкли софійское шоссе южище Телиша и вскорѣ, вправо отъ полотна, я увидѣлъ село Телишь, а за нимъ высоты, гдѣ были турецкія укрѣпленія; даже издали, изъ окна вагона, видно было, что они еще хорошо сохранились и живо напоминали дни 12-го и 16-го октября 1877 года.

«Станція Телишь», кричитъ кондукторъ, и тамъ, гдѣ была грозная позиція, теперь стоитъ желѣзнодорожная станція и на

ней обычная суета; мальчишки бѣгаютъ отъ вагона къ вагону и громко предлагаютъ холодную воду, лимонадъ, арбузы, виноградъ... Мы мчимся далѣе, поѣздъ летитъ вдоль лѣваго берега Дубнякского ручья или Кладенца; правый берегъ покрытъ дубовыми лѣсами; глубокая лощина выходитъ къ ручью со стороны софійскаго шоссе — это мѣсто, гдѣ геройски сражались павловцы и финляндцы въ день кроваваго боя 12-го октября; еще немного и мы близко подъѣзжаемъ къ горно-дубнякской позиціи; хорошо виднѣтъ курганъ внутри редута, гдѣ была турецкая артилерія; еще ближе виднѣется люнетъ, взятый съ боя стрѣлками Императорской Фамиліи; вотъ высокій бѣлый памятникъ — подъ нимъ покоится измайловецъ Кущелевъ; далѣе, ближе къ шоссе, виднѣются кресты, памятники, длинныя братскія могилы, много крестовъ и памятниковъ — цѣлое кладбище... Сколько ужасовъ было здѣсь 22 года тому назадъ, сколько воспоминаній вызываетъ видъ этихъ мѣсть...

Мы ѣдемъ далѣе; вотъ Дольній-Дубнякъ; поѣздъ описываетъ дугу вправо, ясно видны плевненскія высоты и мы проносимся черезъ Видъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ день послѣдней вылазки, 28-го ноября, Османъ построилъ временной мостъ; недалеко вправо находится и старый шоссеиный мостъ и надъ нимъ, на высококомъ, обрывистомъ правомъ берегу Вида, величественно поднимается памятникъ, поставленный въ воспоминаніе покоренія Плевны; извѣстной караулки у шоссе, въ которой сдѣлся Османъ уже нѣтъ — она разрушена.

Мы ѣдемъ далѣе по лощинѣ, въ которой лежитъ городъ, и черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ останавливается у станціи «Плевна», гдѣ меня встрѣчаютъ командиръ Плевненскаго пѣхотнаго князя Бориса полка полковникъ Фиковъ, окружной управитель (губернаторъ) и кметъ (городской голова). Въ заранѣе приготовленныхъ фаэтонахъ мы мирно въѣзжаемъ въ нѣкогда грозную Плевну. Тотчасъ послѣ пріѣзда, я сдѣлалъ визиты командиру полка, окружному управителю и кмету; вездѣ мнѣ предлагали варенье съ водою. Кметъ, между прочимъ, рассказалъ мнѣ, что онъ былъ въ Плевнѣ въ теченіе всей осады; онъ сообщилъ мнѣ, что Османъ очень хорошо относился къ жителямъ Плевны, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія, и не позволялъ своимъ войскамъ никакихъ безпорядковъ и насилій.

Затѣмъ я осмотрѣлъ казармы Плевненскаго полка, размѣщеннаго въ массивномъ каменномъ зданіи; невдалекѣ отъ казармъ построена большая церковь, еще не оконченная — это одна изъ не-

многихъ благообразныхъ церквей, воздвигнутыхъ въ Болгаріи послѣ освободительной войны. Осмотръ окончился только съ наступленіемъ темноты и послѣ него командиръ полка пригласилъ меня на ужинъ, который былъ сервированъ въ садикѣ ресторана, такъ какъ офицерское собраніе еще не было устроено.

На ужинѣ были командиръ полка, штабъ-офицеры, полковой адъютантъ и окружной управитель.

За ужиномъ, между прочимъ, было подано мѣстное, плевненское вино, очень хорошаго качества.

На другой день утромъ мы отправились верхомъ на площадку, недалеко отъ Скобелевскихъ редутовъ, гдѣ была выстроена рота плевненскаго полка для ученя; по желанію командира полка рота была въ парадной формѣ, т. е. также какъ у насъ, въ мундирахъ и мерлушковыхъ шапкахъ; офицеры были въ эполетахъ. Офицеры, не бывшіе въ строю, присутствовали на мѣстѣ ученя. Сначала было произведено уставное ученье, а затѣмъ небольшое тактическое, заключавшееся въ наступленіи и атакѣ.

Ученье прошло отлично, въ стройномъ порядкѣ. Послѣ ученя, вмѣстѣ съ командиромъ полка, я объѣхалъ часть нашихъ и турецкихъ позицій.

Прежде всего мы посѣтили знаменитые Скобелевскіе редуты; тотъ изъ нихъ, который ближе къ востоку, обросъ травой и потому сохранился довольно хорошо; близъ него могилы и памятники; другой редутъ, западный, на половину распаханъ и эта половина совершенно сравнялась съ землей. Переѣхавъ глубокой оврагъ, отдѣляющій Скобелевскіе редуты отъ третьяго гребня Зеленыхъ горъ, мы посѣтили на немъ наши могилы и, между прочимъ, могилу маіора Горталова. Переправившись черезъ Тученицкій оврагъ, мы проѣхали къ редуту Омаръ-бей-табія, отъ него поднялись на Радшевскія высоты и оттуда спустились къ редуту Ибрагимъ-бей-табія и къ тому холму, на которомъ была ставка Османа; это круглый, зеленый холмъ, у самой окраины города, съ восточной стороны его.

Послѣ завтрака мы поѣхали въ коляскѣ къ редуту Александръ: онъ очень хорошо сохранился, такъ какъ болгаре его поддерживаютъ и ремонтируютъ. Оттуда мы проѣхали на Гривицкіе редуты, гдѣ я нашелъ множество гильзъ и немало осколковъ снарядовъ. Грустное, сильное впечатлѣніе производятъ окрестности Плевны; это — въ сущности колоссальное кладбище, раскиданное на десятки верстъ; повсюду бѣлѣютъ памятники, подъ которыми покоятся ге-

рой, павшіе подъ Плевной; большинство изъ этихъ памятниковъ сохранились очень хорошо и содержатся болгарами вполне удовлетворительно. Такъ, повидимому, было и во времена дурныхъ отношеній къ Россіи, что безспорно дѣлаетъ честь болгарамъ. Я посѣтилъ много нашихъ могилъ въ Болгаріи, иногда въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ, и въ общемъ нашелъ ихъ въ достаточномъ порядкѣ.

Ежегодно въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ отпускается извѣстная сумма для содержанія нашихъ памятниковъ въ порядкѣ; эта сумма распределяется по окружнымъ управителямъ, которые и обязаны заботиться о ремонтѣ памятниковъ.

Но такъ какъ лица эти часто мѣняются, то, конечно, было бы лучше, если бы деньги, назначенныя на ремонтъ памятниковъ, отпускались въ распоряженіе ближайшихъ войсковыхъ частей, которыя, безъ сомнѣнія, охотно возьмутъ на себя трудъ беречь и поддерживать памятники надъ тѣлами русскихъ воиновъ, павшихъ въ борьбѣ за освобожденіе Болгаріи.

До сихъ поръ при обработкѣ почвы подъ Плевной находятъ кости павшихъ и долго еще будутъ ихъ находить.

Вотъ гдѣ невольно вспомнишь Пушкина и Глинку—«о поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями»—и какъ сильно были бы потрясены этимъ видомъ полей битвы тѣ, кто, хотя и съ удовольствіемъ, но равнодушно слушаетъ знаменитую арію Руслана. Здѣсь невольно вспомнишь и другое слово Пушкина—«чи небо слышало молитвы»; здѣсь небо слышало молитвы тысячи людей, умиравшихъ и страдавшихъ вдали отъ родины и отъ близкихъ сердцу...

Почти всѣ прежнія позиціи покрыты теперь виноградниками; было жарко и я попросилъ у крестьянина, собиравшаго грозди, вѣтку винограда; когда я захотѣлъ заплатить за нее, то хозяинъ виноградника, простой крестьянинъ, рѣшительно отказался взять деньги. «Виноградъ мой выросъ на землѣ, политой русскою кровью, и я ничего не возьму съ русского за него», отвѣчалъ онъ мнѣ.

Да, не только окрестности Плевны, но и вся Болгарія обильно полита русскою кровью. Однако, едва ли найдется другое мѣсто въ Болгаріи, гдѣ бы пало такъ много русскихъ воиновъ на полѣ чести, какъ подъ Плевной, и едва ли гдѣ пролито такъ много русской крови.

Многочисленные памятники, подъ которыми почиваютъ вѣчнымъ сномъ герои, павшіе въ болахъ подъ Плевной, краснорѣчиво

говорятъ объ этомъ русскому человѣку. Умилительно видѣть эти памятники, но грустно становится при мысли, что въ Плевнѣ нѣтъ русскаго храма, гдѣ въ вѣчнопамятные дни совершалось бы поминовеніе русскихъ воиновъ, живость свой за Вѣру, Царя, Отечество и Болгарію положившихъ, а въ обычные дни молилось бы мѣстное православное населеніе.

Едва ли не лучшее мѣсто для этого храма—тотъ холмъ, на которомъ была ставка Османа-Паши и гдѣ послѣ паденія Плевны, 29-го ноября 1877 года, было совершено молебствіе въ присутствіи Императора Алѣксандра II. Этотъ холмъ находится у самаго города, у восточной окранны его и господствуетъ надъ нимъ; съ него очень хорошо видны памятные историческіе мѣста и предметы—Скобелевскіе редуты, Радишевскія высоты, Гривицкіе редуты, долина Вида, гдѣ дѣйствовала наша гвардія и гдѣ происходилъ послѣдній бой подъ Плевной, 28-го ноября, въ которомъ сдалась вся турецкая армія...

Румыны уже построили свою церковь—въ дер. Гривицѣ, вблизи своихъ прежнихъ боевыхъ позицій.

По возвращеніи въ городъ, я посѣтилъ ту церковь, въ которой Императоръ Александръ II молился послѣ взятія Плевны. Эта церковь полууглублена въ землю; чтобы войти въ нее, нужно спуститься по нѣсколькимъ ступенькамъ; она мрачна внутри и небогато обставлена. Священникъ, вышедшій встрѣтить меня, показалъ мнѣ мѣсто, гдѣ стоялъ Императоръ Александръ II во время молебна; это мѣсто ближе къ правому клиросу. «Вотъ та самая плита, на которой стоялъ Царь-Освободитель», сказалъ мнѣ священникъ, показывая на церковный полъ, устланный каменными плитами обыкновеннаго размѣра. Рядомъ съ церковью, въ небольшомъ помѣщеніи, слышно было пѣніе и священникъ предложилъ намъ его послушать. Это были церковные пѣвчіе, частью любители; регентомъ служить одинъ изъ офицеровъ Плевненскаго полка, но на этой сѣвкѣ его не было. Пѣвчіе сѣли, между прочимъ, Херувимскую Бортнянскаго № 7 и сѣли ее весьма удовлетворительно. Изъ церкви я прошелъ въ домъ Георгія Ив. Вацова, въ которомъ жилъ Императоръ Александръ II во время пребыванія въ Плевнѣ; въ этомъ домѣ Государь принималъ Османъ-пашу и возвратилъ ему во время этого приѣма саблю; этотъ приѣмъ изображенъ на извѣстной картинѣ, находящейся въ военной галереѣ Зимняго дворца. Комната эта сохраняется хозяиномъ дома совер-

шенно въ томъ же видѣ, какъ она была при Императорѣ Александрѣ II.

Въ этой комнатѣ помѣщены портреты Царя-Освободителя, Императора Александра III и Великихъ Князей Николая Николаевича и Сергія Александровича.

«Въ моемъ домѣ жилъ и генераль Скобелевъ», сказалъ мнѣ хозяинъ, отворяя дверь въ сосѣдную комнату, на стѣнѣ которой былъ портретъ М. Д. Скобелева.

29-го августа я выѣхалъ изъ Плевны, причемъ до моста черезъ Видъ меня проводили полковникъ Фиковъ, окружной управитель и кметъ; впереди и позади моей коляски скакали конные жандармы, такъ называемые стражары. Нѣсколько не доѣзжая моста мы остановились и, выйдя изъ экипажей, поднялись на крутой откосъ праваго берега Вида къ памятнику, который построень нами въ воспоминаніе покоренія Плевны; это величественная пирамида съ надписями, въ которыхъ перечислены всѣ сражавшіяся подъ Плевной части; вблизи этого памятника была караулка, гдѣ сдѣлся Османъ, но теперь ея нѣтъ, она разрушена. Мѣсто, гдѣ поставленъ памятникъ, очень высокое и отсюда открывается обширный видъ, главнымъ образомъ, на равнину рѣки Вида, гдѣ разыгрался послѣдній бой подъ Плевной, 28-го ноября.

Съ этого мѣста написана та панорама взятія Плевны, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ показывалась въ Петербургѣ въ кругломъ Павильонѣ на Екатерининскомъ каналѣ, тамъ, гдѣ теперь домъ взаимнаго кредита.

Послѣ осмотра памятника я простился съ провожавшими меня лицами; я хотѣлъ, чтобы и жандармы вернулись въ Плевну, но окружной управитель просилъ разрѣшенія, чтобы они проводили меня, хотя на короткое разстояніе. Сѣвъ въ коляску, мы переѣхали по извѣстному шосейному мосту черезъ Видъ и поѣхали по равнинѣ лѣваго берега Вида, столь памятной по дѣйствіямъ нашей гвардіи и нашихъ гренадеръ въ этихъ мѣстахъ.

Лично для меня путешествіе по этому направленію, по которому пролегаетъ Софійское шоссе, имѣло то значеніе, что почти 22 года тому назадъ я прошелъ пѣшкомъ изъ-подъ Плевны до Софіи какъ по этому шоссе, такъ и по окрестнымъ мѣстамъ. Тогда мы прибыли подъ Плевну въ концѣ сентября и вышли на Софійское шоссе 12-го октября, въ день памятнаго кроваваго боя подъ Горнымъ-Дубнякомъ.

Теперь я ѣхалъ по тѣмъ же мѣстамъ въ концѣ августа и пей-

зажъ былъ почти тотъ же, т. е. жатва была уже снята съ полей, кромѣ кукурузы; тамъ, гдѣ не было кукурузы, желтые остатки соломы на поляхъ придавали осенній видъ пейзажу и совершенно напоминали время войны; кукурузныя поля, деревья и кустарники еще были зелены, хотя желтизна уже тронула ихъ кое-гдѣ, такъ что въ общемъ окрестности Плевны очень напоминали то время, когда мы здѣсь были осенью 1877 г.

Подъѣзжаемъ къ Дольнему-Дубняку; видъ этого селенія почти не измѣнился; мы остановились у корчмы на нѣсколько минутъ; рядомъ церковь, въ ней шла служба и я зашелъ въ нее; въ церкви, очень бѣдной, темной и неопрятной, было всего человѣкъ пять. Проѣхавъ Дольній-Дубнякъ, мы увидѣли вправо и влѣво отъ шоссе турецкіе редуты—они еще хорошо сохранились.

Подъѣзжаемъ къ Горному-Дубняку; издали, среди ровнаго и открытаго поля, виденъ высокій курганъ внутри редута; вправо, нѣсколько въ сторонѣ отъ шоссе, бѣлый, высокій памятникъ надъ могилой измайловца Куселева.

Вотъ большой редутъ; влѣво обширное кладбище, вправо, у самаго шоссе, могила измайловцевъ, въ видѣ пирамиды, съ крестомъ наверху. Мы идемъ къ большому редуту; очертанія его видны еще очень отчетливо, онъ обросъ травой и благодаря этому сохранился хорошо.

У подножья кургана внутри редута могила офицеровъ Павловскаго полка; она имѣетъ видъ саркофага, четыре огромныхъ снаряда стоятъ по угламъ; они соединены цѣпями; тутъ же братская могила нижнихъ чиновъ павловцевъ.

Сильное впечатлѣніе производитъ видъ этого безмолвнаго теперь редута; кругомъ, вмѣсто ужасовъ и шума боя—миръ и тишина; въ редутѣ пасется стадо овецъ, на курганѣ пріютился пастихъ...

По другую сторону шоссе, гдѣ былъ малый редутъ—цѣлое кладбище: высокая мраморная колонна надъ прахомъ генерала Лаврова и другихъ офицеровъ Финляндскаго полка; памятники Московскаго и Гренадерскаго полковъ и колоссальныя братскія могилы нижнихъ чиновъ этихъ полковъ. Малый редутъ почти уничтоженъ и сравнялся съ землей; на мѣстѣ его построень домикъ для сторожа. Мѣстность осталась вообще безъ измѣненій—то же, совершенно открытое, ровное поле къ сторонѣ Плевны, тотъ же дубовый кустарникъ и лѣсъ въ направленіи къ Виду и къ сторонѣ

Телиша. Ёдемъ далѣе къ Телишу и вскорѣ начинаютъ обрисовываться укрѣпленія на этой позиціи; оба окопа вправо и влѣво отъ шоссе еще хорошо сохранились; хорошо сохранился и фашъ, обращенный къ Свинарской балкѣ — мѣсто атаки егерей; вотъ поле, на которомъ лежали тѣла храбрыхъ егерей, надъ которыми такъ надругались турки; этотъ эпизодъ изображенъ на извѣстной картинѣ Верещагина «Побѣдители» и здѣсь же, на самомъ мѣстѣ атаки, огромныя братскія могилы егерей, а нѣсколько ближе къ Телишу могила офицеровъ-егерей, осѣненная величественнымъ памятникомъ, въ видѣ высокаго обелиска; рядомъ могила нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады.

Грустно быть въ этихъ мѣстахъ, грустно, тяжело видѣть эти огромныя кладбища, страшно отъ мысли, сколько здѣсь легло людей, но умирительно и утѣшительно сознавать, что эти жертвы принесены не даромъ; тамъ, гдѣ до освободительной войны царило безправіе и безчеловѣчье, теперь царствуютъ миръ и свобода.

Деревни Горный-Дубнякъ и Телишъ значительно разрослись; въ первой возобновлена разоренная церковь, а во второй строится прекрасная каменная церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца.

Проѣхавъ Радомірцы, Луковицу, Петровень—все знакомыя и памятные мѣста, приѣзжаю вечеромъ въ Яблоницу. Деревня эта разрослась и вмѣсто плохихъ мазанокъ, въ ней большею частью хорошіе, большіе дома. Несмотря на поздній часъ и темноту, меня встрѣчаетъ народъ и одинъ изъ крестьянъ говоритъ привѣтственное слово. Помѣщеніе мнѣ отвели въ домѣ Ивана Н. Глухарова. Небольшая, но очень опрятная комната со стѣнами, росписанными масляной краской, украшена была вышитыми полотенцами, коврами, вѣтками айвы съ свѣжими плодами. Усердные хозяева подали мнѣ ужинъ, предложили краснаго вина и пили за благоденствіе Россіи — «Великой Освободительки». Во время бесѣды мои собесѣдники — простые крестьяне, вспоминали войну, генерала Гурко, какъ проходили наши войска, выражали радость видѣть «освободителя»; все это радушно, привѣтливо, мило, ласково... Послѣ ужина, надѣливъ меня крѣпкими рукопожатіями, мои хозяева удаляются, пожелавъ мнѣ покойной ночи.

Утромъ старшая дочь хозяина поднесла мнѣ полотенце; оказалось, что это было соблюденіе народнаго обычая — она была невѣстой и потому одаривала полотенцами. Хозяева рѣшительно отказались взять что-либо за ночлегъ и объявили мнѣ, что меня угощала община.

Кстати отмѣтить, что простой народъ въ Болгаріи, вся громада его, съ величайшей признательностью относится къ Россіи и всегда съ благодарностью вспоминаетъ жертвы и труды русскаго народа и войска, принесенные ради освобожденія Болгаріи. Такъ относятся къ Россіи не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили военныя дѣйствія, но и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ не было; этимъ болгарскій народъ доказываетъ, что ему вовсе не чуждо чувство благодарности къ его освободителямъ. Онъ далекъ отъ политиканства и ему кажется вполне естественнымъ питать и выражать свою благодарность великой и великодушной его освободительницѣ—Россіи.

Провожаемые хозяевами и жителями, мы ѣдемъ далѣе; горы становятся выше; мы проѣзжаемъ рѣчку Лаковицу, вѣзжаемъ въ Правецкое ущелье, вотъ гора, гдѣ дѣйствовалъ графъ Шуваловъ, вотъ высоты, которыя взяли семеновцы, стрѣлки Его Величества, Императорскіе стрѣлки. Мы поворачиваемъ въ Орханійскую котловину; вотъ мѣсто, гдѣ дѣйствовала колонна полковника Грипенберга. Мы останавливаемся для отдыха лошадей у Правецкаго хана; словоохотливый старикъ болгаринъ рассказываетъ намъ, какъ тутъ дѣйствовали русскія войска. «Помню, говоритъ онъ, какъ полкъ Семена ¹⁾ вышелъ въ тылъ туркамъ».

Однимъ словомъ, здѣсь повсюду воспоминанія и если не люди, то горы говорятъ вамъ о быломъ.

Изъ Правца ѣдемъ въ Этрополь по прямой дорогѣ черезъ переваль, разделяющій ущелье Малаго Искера отъ Орханійской котловины. Въ пяти верстахъ отъ города меня встрѣчаетъ приставъ съ двумя конными жандармами; они являются мнѣ и скачутъ за мною. Въ трехъ верстахъ отъ города меня встрѣчаетъ околийскій начальникъ, верхомъ, съ кметомъ, съ учителями, съ нѣсколькими почетными жителями—всѣ верхомъ; они представляются, выражаютъ радость видѣть русскаго офицера; въ верстѣ отъ города стоитъ депутація отъ горожанъ, глава депутаціи привѣтствуетъ меня рѣчью.

Погода, къ сожалѣнію, портится, идетъ довольно сильный дождь, густыя облака укутываютъ вершины горъ. Я вѣзжаю въ городъ, ѣду въ церковь, потомъ въ другую и затѣмъ въ приготовленное для меня помѣщеніе въ домѣ Крестья Якимова.

Несмотря на довольно сильный дождь, вездѣ меня встрѣчаетъ

¹⁾ Т. е. лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ.

народъ, привѣтливо кланяющійся, колокола звонятъ, по восточному обычаю мнѣ подносятъ варенье съ водою. Въ комнатѣ, для меня приготовленной, на стѣнѣ портреты Царя-Освободителя, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора и Императрицы Александры Феодоровны. Давъ лошадямъ отдохнуть, я ѣду въ Орханію, по той же дорогѣ, т. е. черезъ Правецъ.

Лѣтний возница-турокъ не прочь былъ, чтобы я переночевалъ въ Этрополѣ; но избѣгать расписаніе проѣзда было невозможно и я потребовалъ, чтобы мы ѣхали далѣе; вѣроятно мои увѣщанія и не увѣщались бы успѣхомъ, если бы не расторопность сопровождавшаго меня коннаго стражара Николя Механдумійскаго. Онъ принялъ энергическія мѣры къ тому, чтобы путешествіе мое продолжалось безъ помѣхи и сумѣлъ устроить такъ, что къ вечеру я прибылъ въ Правецъ, откуда мы направились въ Орханію по софійскому шоссе.

Дождь смѣнился сильнѣйшей грозой съ ливнемъ и подъ этимъ ливнемъ мы прибыли къ ночи въ Орханію; несмотря на проливной дождь, у подѣзда дома Василія Бренчева, гдѣ мнѣ было приготовлено помѣщеніе—духовенство, народъ, представитель мѣстной власти, секретарь окружнаго управителя, привѣтствуетъ меня словомъ; настоятель орханійской церкви проситъ на другой день, утромъ, отслужить панихиду по русскимъ воинамъ.

Въ домъ является депутація отъ жителей, затѣмъ слѣдуетъ ужинъ у радушныхъ хозяевъ и крѣпкій сонъ послѣ дня, полного разнообразныхъ, то грустныхъ, то пріятныхъ воспоминаній и впечатлѣній.

Утромъ, 31-го августа, въ 7 часовъ, началась торжественная панихида соборне; передъ панихидой одинъ изъ священниковъ произноситъ слово о значеніи освободительной войны для болгарскаго народа; послѣ панихиды молимся у могилъ нашихъ воиновъ въ церковной оградѣ—тутъ почиваютъ москвиты, волынцы, петербургскіе гренадеры...

Ѣдемъ далѣе, въѣзжаемъ въ Арабъ-Конакское ущелье; воть вправо деревня Врачешъ, гдѣ Шакиръ при отступленіи оставилъ огромные запасы, которыми цѣлый мѣсяцъ питался западный отрядъ; воть ущелье рѣчки Орля, гдѣ преображенцы и гвардейскіе саперы проложили въ декабрьскую стужу дорогу на Чурьякъ, въ обходъ лѣваго фланга турецкой позиціи; встрѣчаемъ старика-настуха—знаетъ ли онъ эту дорогу, сохранилась ли она? «Какъ не знать, отвѣчаетъ онъ, и теперь по ней ходимъ въ Чурьякъ; я

помню войну, помню русскихъ. Какъ же! здѣсь они обошли турокъ и вышли имъ въ тылъ». Близъ этихъ же мѣстъ находилась, такъ называемая, позиція у Арнаутъ-Келесси, гдѣ въ октябрѣ 1829 г. произошло дѣло между отрядомъ войскъ Мустафы-паши Скодрскаго и войсками подъ начальствомъ генераль-адъютанта Гейсмара. Мнѣ удалось при помощи болгарскаго генеральнаго штаба капитана Морфова добыть на мѣстѣ нѣкоторыя свѣдѣнія по этому дѣлу, благодаря тому, что въ памяти мѣстныхъ жителей до сихъ поръ сохранилось воспоминаніе о немъ.

Эти свѣдѣнія, сопоставленныя съ данными изъ историческихъ источниковъ, дали возможность съ большей подробностью возстановить это дѣло.

Когда въ августѣ 1829 г. войска наши подъ начальствомъ Дибича заняли Адрианополь и казалось, что успѣхъ окончательно склонился на нашу сторону, тогда неожиданно перешелъ въ наступленіе паша Скодрскій, Мустафа; онъ двинулся изъ Видина черезъ Софію и Филиппополь къ Адрианополю и сообщилъ Дибичу, что 28-го сентября онъ прибудетъ въ этотъ городъ для занятія тамъ зимнихъ квартиръ.

Тогда Дибичъ вынужденъ былъ принять рядъ мѣръ для противодѣйствія наступательнымъ затѣямъ Мустафы и, между прочимъ, съ этой цѣлью былъ выдвинутъ изъ Рахова къ Врацѣ отрядъ генераль-адъютанта барона Гейсмара, состоявшій изъ четырехъ баталіоновъ, восьми эскадроновъ, пяти сотенъ и 30-ти орудій. Отрядъ этотъ занялъ г. Врацу, выдвинулъ авангардъ въ д. Реберково, а сторожевыми частями занялъ д. Новачинъ.

Между тѣмъ Мустафа-паша уже дошелъ до Филиппополя; тогда Дибичъ предписалъ Гейсмару дѣйствовать наступательно противъ арьергарда его отряда. Гейсмаръ перешелъ въ наступленіе и двинулся отъ Новачина на Врачешъ и далѣе по такъ называемому Арабъ-Конакскому перевалу ¹⁾. Такимъ образомъ, этотъ отрядъ дѣйствовалъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ въ 1877 году осенью и зимою дѣйствовали войска западнаго отряда подъ начальствомъ генераль-адъютанта Гурко.

¹⁾ Кстати замѣтить, что перевалъ этотъ правильнѣе называть Араба-Конакскій, а не Арабъ-Конакскій, какъ у насъ принято. Перевалъ этотъ получилъ названіе отъ Араба-Конака, т. е. постоялаго двора для подвожъ (араба), бывшаго у южной подошвы этого перевала. Этотъ постоялый дворъ существуетъ и теперь, но послѣ войны 1877—1878 гг. онъ названъ—«гостиница генерала Гурко».

По прибытіи во Врачешъ, наши войска стали здѣсь бивакомъ, причемъ, по показанію жителей, у русскихъ было такъ много лошадей, что послѣ водою въ ручьѣ, протекавшемъ черезъ деревню, не оставалось воды. Прежде чѣмъ атаковать турокъ или, правильнѣе, арнаутовъ (албанцевъ), занявшихъ укрѣпленную позицію въ ущельи, русскіе вступили въ переговоры, настаивая на безпрепятственномъ пропускѣ войскъ, такъ какъ миръ уже былъ заключенъ; но непріятель отказался пропустить наши войска и тогда рѣшено было атаковать его.

Непріятель занималъ позицію по обѣ стороны Араба-Конакского ущелья, нѣсколько сѣвернѣе того мѣста, гдѣ отъ шоссе (существующаго здѣсь теперь) отдѣляется горная дорожка на д. Горн. Комарцы. Здѣсь непріятель построилъ укрѣпленія и занималъ ихъ отрядомъ, состоявшимъ изъ пѣхоты съ орудіями. По показанію Мольтке, здѣсь было 1,700 чел. съ тремя орудіями; столько же считаетъ Лукьяновичъ; мѣстные же жители говорятъ, что турокъ было около 3,000 человекъ съ 3—4 орудіями.

Для атаки этой позиціи генералъ Гейсмаръ направилъ три роты Кольванскаго полка съ фронта и баталіонъ 34-го егерскаго полка для обхода лѣваго фланга. Кольванцы пошли отъ Врачеша прямо по ущелью до ручья Твердомѣрица, откуда, принявъ нѣсколько влѣво, атаковали правую половину непріятельской позиціи, а егеря двинулись отъ Врачеша вверхъ по р. Осеница черезъ Радинъ-Камень и далѣе на гору Свадбарникъ и черезъ Будіевъ-градъ вышли къ лѣвому флангу непріятельской позиціи по тропинкѣ, которую непріятель считалъ непроходимой. Непріятель не выдержалъ удара и бѣжалъ, бросивъ три орудія и обозы. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ ранеными одного офицера и нѣсколько рядовыхъ. Гейсмаръ приказалъ непріятеля не преслѣдовать и позволилъ турецкимъ обозамъ догнать свои войска. Даже взятыя у непріятеля орудія были возвращены ему, по приказанію Дибича, такъ какъ они были взяты уже послѣ заключенія мира.

Послѣ этого дѣла Гейсмаръ двинулся въ Софію, наступая черезъ Араба-Конакъ, Ташкисенъ и Враждебну; во время этого наступленія наши войска преслѣдовали часть албанцевъ, которые отъ Арнаутъ-Келесси отступали къ Софіи; другая часть ихъ отступила въ Златицу и далѣе на Филиппополь, гдѣ были главныя силы Мустафа-паши.

Въ Софіи русскія войска были встрѣчены дружелюбно мѣстнымъ населеніемъ и жителями; простоявъ въ городѣ до конца октября,

войска наши вернулись во Врацу, а оттуда пошли въ Рахово, гдѣ 14-го ноября перешли Дунай и расположились по квартирамъ.

На кладбищѣ д. Врачеша покоятся тѣла 16-ти нижнихъ чиновъ изъ отряда генерала Гейсмара; могила ихъ въ полномъ порядкѣ, а въ недавно построенной церкви въ этой же деревнѣ стоитъ каменный крестъ, прежде стоявшій на ихъ могилѣ.

Вотъ нѣкоторыя подробности о дѣлѣ при Арнаутъ-Келесси; это дѣло не громкое, но съ нимъ связано воспоминаніе о первомъ переходѣ нашихъ войскъ черезъ Этропольскіе Балканы; ровно черезъ 68 лѣтъ спустя наши войска вновь дѣйствовали въ тѣхъ же мѣстахъ и вновь перешли эти же горы подъ начальствомъ генерала Гурко; черезъ 68 лѣтъ тѣ же горы вновь увидѣли наши войска, вновь услышали громъ нашихъ орудій и вновь на нихъ гремѣло русское «ура»; по близости того мѣста, гдѣ было дѣло 6-го октября 1829 г., въ 1877 г., 21-го ноября, произошло дѣло при Араба-Конакѣ, гдѣ москвичи и гвардейскіе стрѣлки, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Гриненберга, мужественно отбили яростныя атаки турокъ.

Баталіонъ 34-го Егерскаго полка, обходя турецкую позицію у Арнаутъ-Келесси, близъ горы Свадбарникъ, пересѣкъ тотъ путь, по которому съ 8-го по 14-е декабря 1877 г. двигалась колонна, обходящая лѣвымъ флангъ позиціи Шакира на Араба-Конакѣ; здѣсь же была разработана преображенцами и гвардейскими саперами дорога въ обходъ позиціи Шакира.

Наконецъ, по тому пути, по которому Гейсмаръ преслѣдовала часть бѣжавшихъ албанцевъ, произошли въ 1877 г. дѣла у Ташкисена, Горн. Бугарова и Враждебны; 23-го декабря генералъ Гурко вступилъ въ Софію и этотъ древній городъ во второй разъ увидѣлъ русскія знамена.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ указать, что, при извѣстныхъ условіяхъ, опросъ мѣстныхъ жителей-стариковъ можетъ дать нѣкоторыя данныя въ дополненіе къ имѣющимся уже историческимъ свѣдѣніямъ; разумѣется, необходимо показанія жителей сопоставлять съ данными изъ документовъ. Такъ, на примѣръ, благодаря показанію жителей, удалось точно опредѣлить мѣсто, гдѣ была позиція у Арнаутъ-Келесси; показанія ихъ относительно числа турецкихъ орудій, относительно раздѣленія нашихъ войскъ на двѣ колонны для атаки, относительно дальнѣйшаго движенія къ Софіи—все это вполне согласуется съ показаніями современныхъ документовъ, но, кромѣ того, даетъ и нѣкоторыя дополни-

тельные данныя, уясняющія дѣло. Даже время дѣла у Арнаутъ-Келесси показано жителями довольно точно, а именно, они говорили, что оно было около 14-го октября (Петковъ день).

Идемъ далѣе и постепенно поднимаемся по дну Араба-Конак-скаго ущелья все выше и выше; погода хмурая, накрапываетъ дождь, густыя облака ползутъ по вершинамъ горъ; мы начинаемъ подниматься на перевалъ; припрягаемъ пару свѣжихъ лошадей, но и имъ тяжело — мы идемъ пѣшкомъ.

Вотъ вправо отъ шоссе Московская гора — здѣсь полковникъ Грипенбергъ 21-го ноября 1877 г. блистательно отбилъ отчаянныя атаки турокъ; вотъ выдѣляются два турецкихъ редута, вправо и влѣво отъ шоссе — они построены на самомъ перевалѣ; мы поднимаемся еще немного и доходимъ до редута, что лѣвѣе (восточнѣе) шоссе; у самаго редута высится величественная пирамида съ крестомъ на верху; на ней надпись, какія части сражались на высотахъ Араба-Конака и на окрестныхъ позиціяхъ; длинный списокъ — почти вся гвардія, начиная съ Преображенскаго полка, затѣмъ гренадеры 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, армейскія, казачьи части...

Сильный и холодный вѣтеръ рѣзко свиститъ на вершинѣ Араба-Конака, а внизу, въ долину, проглядываетъ, сквозь тучи, солнце; вѣтеръ на время сгоняетъ тучи и мы отчетливо видимъ всѣ позиціи, наши и турецкія. Вотъ страшный Ильдизъ-Табія; какъ великанъ высится эта утесистая громада среди окружающихъ горъ; облака почти постоянно окутываютъ его острую вершину; онъ показался намъ грознѣе, страшнѣе, неприступнѣе, чѣмъ казался во время войны; а между тѣмъ я теперь наблюдаю его какъ мирный путникъ, среди полной безопасности; а тогда — тогда на вершинѣ его былъ, казалось, неприступный редутъ; уже съ начала ноября вершина его была покрыта снѣгомъ и изъ редута и траншей, замаскированныхъ снѣгомъ, летѣли снаряды и пули, вырывая въ рядахъ нашихъ жертвы, калѣча и убивая людей.

Съ вершины Араба-Конака развѣртывается вся панорама Этропольскихъ Балканъ, видны всѣ наши позиціи, всѣ памятные мѣста. Вотъ высится Баба-гора, гдѣ дѣйствовалъ и мучился отрядъ генерала Дандевилля; вотъ позиція, противъ Ильдизъ-табія, гдѣ стояли семеновцы и егеря подъ начальствомъ принца Александра Петровича Ольденбургскаго; вотъ батареи Геринга, Оноприенко, Мейбаума, Финляндская гора; далѣе по ту сторону шоссе Московская гора, гдѣ дѣйствовали московцы и гвардейскіе стрѣлки,

затѣмъ Преображенская гора, потомъ Черный-верхъ, гдѣ дѣйствовала колонна полковника Васмунда, еще далѣе укутанный облаками Умургачъ, черезъ который шла колонна генерала Вельяминова. Передъ нами съ одной стороны, къ сѣверу, узкое ущелье Араба-Конака, съ другой — къ югу, котловина, гдѣ Стригль, Долянія Комарцы... Здѣсь у Шакира были резервы, здѣсь 20-го декабря началось преслѣдованіе его отступавшей арміи. Снѣгъ покрывалъ тогда горы, стужа и мятели мучили наши войска; теперь горы покрыты сочной зеленью лѣсовъ и кустарниковъ, а мѣстами поднимаются къ небу скалистые утесы и по прежнему мрачны Ильдизъ-табія, Умургачъ и Баба-гора.

Мы спускаемся съ Араба-Конака къ южной подошвѣ Балканъ; спускъ идетъ по крутымъ зигзагамъ шоссе; у подножія Араба-Конака вмѣсто турецкаго хана, бывшаго во время войны — «гостиница генерала Гурко». Мы переваливаемъ черезъ хребетъ у Горныхъ Комарцевъ, экипажъ дѣлаетъ нѣсколько поворотовъ — и передъ нами утесистыя высоты Ташкисена. Опять памятники, опять могилы, опять воспоминанія. Вотъ гдѣ шли въ атаку преобразенцы, вотъ тутъ наступали измайловцы, вотъ высота, съ которой дѣйствовали орудія лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, вотъ мрачныя, лѣсистыя высоты, которыя атаковалъ генералъ Каталей съ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіей, вотъ Черный-верхъ, откуда наступала колонна полковника Васмунда, вотъ Павловская гора, гдѣ дѣйствовалъ графъ Шуваловъ... Сколько воспоминаній, сколько воспоминается дѣятелей освободительной войны...

Деревня Ташкисенъ стала значительно лучше; въ ней появились новые, каменные дома; вмѣсто мечети — очень хорошая каменная церковь, во имя святыхъ Кирилла и Меѳодія, очень напоминающая наши сельскія церкви; внутри церковь еще не совсѣмъ окончена — мѣста многихъ образовъ въ иконостасѣ еще пусты.

Верхомъ на мѣстной лошади отправился я на то мѣсто, гдѣ былъ расположенъ 19-го декабря 1877 г., до начала атаки, Преображенскій полкъ и ровно въ 2 часа, когда почти 22 года тому назадъ началась атака редутовъ, я двинулся по тому направленію, по которому наступали преобразенцы. Тогда глубокой снѣгъ покрывалъ мѣстность и изъ-подъ него торчали прутья частаго кустарника. Теперь пришлось ѣхать то по камнямъ, то пробираться среди густаго, невысокаго дубоваго кустарника; кустарникъ этотъ настолько густъ, что проѣхать сквозь него на лошади оказалось невозможнымъ, пришлось идти пѣшкомъ. Вскорѣ мы дошли до быв-

шихъ турецкихъ редутовъ; они видны до сихъ поръ, такъ какъ они состояли изъ огромныхъ камней, изъ которыхъ турки сдѣлали брустверь, забросавъ ихъ землей и снѣгомъ. У восточнаго конца высоты, близъ софійскаго шоссе, стоитъ та же остроконечная скала, памятная многимъ участникамъ Ташкисенскаго боя. Вернувшись въ деревню, я написалъ нѣсколько открытыхъ писемъ («отворено писмо») участникамъ Ташкисенскаго боя, надѣясь, что имъ пріятно будетъ получить вѣсть изъ того мѣста, гдѣ они нѣкогда сражались; въ деревнѣ теперь имѣется почтовая станція, я сдалъ на нее письма и они пошли въ Россію со штемпелемъ «Ташкисенъ».

Бѣду далѣе по шоссе въ Софію; вправо остается Чурьякъ, гдѣ прошелъ авангардъ западнаго отряда подъ начальствомъ генерала Рауха, имѣя преображенцевъ во главѣ; влѣво отъ шоссе—д. Чеканцево, гдѣ дѣйствовала 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и 2-я гвардейская кавалерійская дивизія. Вотъ вправо Потопское ущелье, куда съ Умургача спустилась колонна Вельяминава, вотъ и Горный Бугаровъ, гдѣ такъ храбро сражались Пензенскій и Тамбовскій полки, предводимые этимъ генераломъ. Вотъ, наконецъ, д. Враждебна и Большой Искеръ, гдѣ 21-го декабря происходило послѣднее дѣло передъ занятіемъ Софіи; памятнаго участникамъ этого дѣла моста американской системы уже нѣтъ—онъ разрушенъ наводненіемъ въ 1897 году.

Въ 10 часовъ вечера, 1-го августа, подъ проливнымъ дождемъ я прибылъ въ Софію, сдѣлавъ переѣздъ отъ Плевны въ три дня, а 22 года тому назадъ мы прошли то же разстояніе въ 50 дней, съ 3-го ноября по 23-е декабря включительно.

Вотъ бѣглый отрывочный рассказъ о томъ, что я видѣлъ осенью 1899 года отъ Плевны до Софіи; то что я видѣлъ, то рассказать еще можно, то можно передать перомъ, кистью, фотографіей; но то, что я перечувствовалъ—передать я не въ силахъ; но меня пойметъ тотъ, кто былъ здѣсь во время войны, меня пойметъ каждый русскій человѣкъ, въ груди котораго бьется русское сердце...

Ж. Бланчинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

